

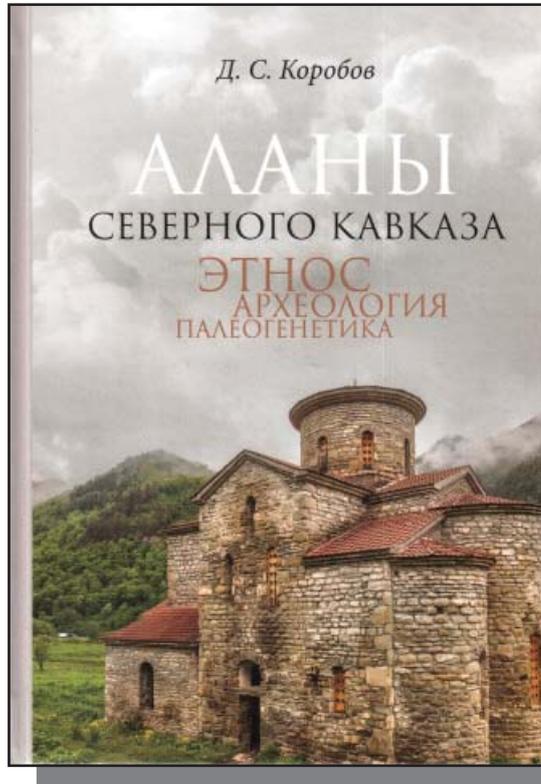
Рецензия на книгу: Коробов Д.С. «Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика»

М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 156 с., ил.

В Санкт-Петербургском издательстве «Нестор-История» вышла книга археолога-аланиста, доктора исторических наук, профессора РАН, заведующего отделом теории и методики Института археологии РАН, члена-корреспондента Германского археологического института Дмитрия Сергеевича Коробова «Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика». Она обращена к широкому кругу читателей, интересующихся проблемами происхождения и истории аланского этноса, а также связанного с ними пресловутого «аланского наследия». Сразу следует с сожалением отметить, что первоначально книга готовилась к публикации в серии «Алано-Кавказская библиотека», что оказалось не реализованным. Несомненно, книга заняла бы достойное место и украсила ряд

изданий данной серии, тем более что круг ее авторов весьма узок, а потребность в популяризации научных знаний авторитетными представителями академической науки, к числу которых заслуженно относится автор, весьма высока. Проблема «аланского наследия» на местах зачастую отдается на откуп тем, кто не имеет к ней никакого профессионального отношения, либо имеет только формальное отношение за счет указания специальности в дипломе о высшем образовании при отсутствии достойной самостоятельной научной практики в области аланистики. Вторая категория писателей сегодня получает и доступ к научным изданиям.

Данное положение актуализирует значимость рецензируемой книги, которая дает пример не только выверенной научной базы для ознакомления с ней в доступной научно-популярной форме. В ней наглядно представлены примеры объективности исследовательских позиций, отношения ученого как узкого специалиста к данным смежных гуманитарных дисциплин, рамок интерпретационных и корреляционных возможностей при анализе конкретных материалов и оценок перспектив будущих исследований и направлений. Они, хочется надеяться, помогут в дальнейшем заинтересованному читателю хоть в какой-то мере самостоятельно

ориентироваться и определяться с пониманием научного уровня столь щедро представленных сегодня публикаций по аланской тематике.

Так, автор изначально считает для себя невозможным вовлеченность и отстаивание конкретной этноцентристской позиции, что является единственно допустимой для любого ученого, а не только археолога, позицией. Именно с таких позиций он обращается к анализу основных аргументов представителей северокавказских народов, спорящих об «аланском наследии». Вторым важным и знаковым на таком фоне для читателя обстоятельством является предоставление ему автором известных научных теоретических подходов в понимании этноса и этничности. Они и служат основой

для дальнейшего обращения к освещению различных по характеру источников и связанных с ними научных концепций.

Д.С. Коробов справедливо отмечает археологически выявляемую для Северного Кавказа изначальную оседлость аланского населения, что противоречит части данных письменных источников, кратко воссоздает общую картину аланской истории региона, также частично привлекая археологические данные. Затем следует обоснованный переход к рассмотрению конкретных характеристик аланского этноса при четком формулировании собственной позиции понимания этничности (с. 35–36), которая определяет саму структуру издания.

В первую очередь, оценивается лингвистический аспект проблемы. Исследователь строго следует доказанному мировым лингвистическим сообществом на конкретных материалах положению о принадлежности аланского языка к северо-восточной группе иранских языков и соответствующему происхождению самого названия «аланы». Попытки «реконструировать» аланский язык как тюркский или нахский справедливо оцениваются как мифотворческие, являющие очередной образец «новой парадигмы» в языкознании.

С другой стороны, автор отмечает и известную проблему прямолинейного отождествления языка

алан с языками скифов и сарматов. Действительно, сегодня специалистами предпринимаются попытки дифференцировать признаки данных языков, что логично и исторически. Но говорить о конечных результатах пока преждевременно. В любом случае, отнесение данных языков к общему кругу восточно-иранских языков пока остается наиболее обоснованным. Что касается проблемы фиксации аланского языка руноподобной письменностью, то ее современная реализация [19, р. 121, 183], как и другие подобные, не внушает даже частичного оптимизма.

У нас нет оснований вслед за автором считать вышеизложенное указанием на многокомпонентность аланского языка и аланского этноса. Отмечаемое им наличие в осетинском языке иноэтничных заимствований соответствует известным явлениям лексического взаимообмена у народов, находящихся в тесных контактах. Отсюда не следует и допущение того, что часть алан говорила на тюркском или нахском языке.

Если данные иноэтничные элементы включались в различные аланские родо-племенные объединения, то они таковыми и оставались в них. В случае последующей языковой ассимиляции, которая сопровождалась культурной ассимиляцией и этнической интеграцией за счет межбрачных и т. п. связей в череде поколений, происходило их, в конечном итоге, полное растворение в аланском этносе с формированием соответствующего общего самосознания. Подобные процессы имели и обратное направление, когда части алан ассимилировались в иноэтничных объединениях. Конечно, как замечает исследователь, бесперспективно решать вопрос об аланском этногенезе на основе одних только лингвистических данных. Но как важнейшая часть данного процесса языковая составляющая является безусловным указанием на алано-осетинскую преемственность. Заметим, что «субстратная теория» в формировании осетинского языка остается в силе, но она относится не к области лексики.

Видимо, следует обратить внимание на пример венгерских ясов и монгольских асудов, которые сохранились как этнические группы, но по языку, культуре и самосознанию являются неотъемлемой частью венгерского и монгольского народов. На Северном Кавказе таких этнических групп в составе современных народов нет, а реальные представления о некогда иноэтничном происхождении отдельных фамилий (родов) не уходят далее современной этнической номенклатуры. Данное положение, видимо, говорит о том, что возможная ассимиляция аланского (ираноязычного) этнического компонента в иноэтничной среде имела очень давнюю историю, которая не стала в чем-либо определяющей для генетической истории ассимилировавшей их иной этнической среды.

Следующий антропологический аспект освещаемой проблемы справедливо представлен исследователем как сложный и даже несколько противоречивый. По линии вопроса об алано-осетинской преемственности автор закономерно выделяет разработки такого известного специалиста, как

М.М. Герасимова, обоснованно предлагавшей выделение последовательных этапов формирования антропологических особенностей осетин при выраженной специфике не только в отдельных этнолокальных группах или в рамках отдельных обществ, но и среди отдельных родовых или фратриальных групп, отличавшихся различной стратегией выживания.

Обоснованность такого положения предполагает приведение более конкретных выводов исследовательницы. Первый этап выявляемых этногенетических процессов связывается с формированием алано-осской народности на равнинах Предкавказья в форме синтеза ираноязычного населения как аланской доминанты с местными племенами из абхазо-адыгского массива на западе и представителей кобанской культуры на востоке. Собственно горское население было слабо втянуто в данный процесс. Преобладающим антропологическим типом в Алянии был понтийский.

Последующая массовая миграция населения Алянии в горы в связи с тотальным разгромом Тимуром отмечается, кроме прочего, появлением там как представителей известного аланского антропологического типа, так и вероятных признаков связей с древним адыгским населением. Тогда начинается интенсивное втягивание и увеличение роли местного горского населения в процесс этнической и антропологической интеграции при формировании осетинского народа и антропологических особенностей его представителей. Несомненное участие в процессе аланского, как его активного реагента, и горского населения пока не позволяет строго установить интенсивность взаимодействия и удельный вес каждого из них. Последующие катастрофическая депопуляция осетинского населения в конце XVIII–начале XIX вв. и переселение его остатков на равнины привело к интенсивному расширению межэтнических связей. Таким образом, при всех сложностях изучения проблемы формирования антропологического типа осетин мы имеем и достаточно определенный вывод, что локальные материалы второго выделяемого этапа «... говорят о значительном влиянии аланского компонента на формирование физиономических особенностей осетин» [4, с. 424].

В следующей части своей работы Д.С. Коробов знакомит читателя с современными научными представлениями об аланской археологической культуре, для которой полагает ярким этномаркирующим признаком Т-образные катакомбные погребения. Здесь представлено и два современных подхода к решению о появлении таких погребений в Центральном Предкавказье. Ситуация с их решениями напоминает прежнее положение в скифологии с частично пересекавшимися «автохтонной» и «миграционистской» гипотезами, которые, с одной стороны, обеспечивали свои «научные дивиденды» группам их сторонников, а с другой стороны, эффективно послужили поиску верного решения. Сам исследователь относит себя к сторонникам первой гипотезы, явно находящейся сегодня в приоритете [5, с. 39–40].

Исходя из обозначенных критериев, ученый прослеживает процессы проникновения и освоения аланами Кисловодской котловины, их взаимодействия с местным населением. В эту часть работы вошел и предпринятый специалистом сопоставительный анализ археологической картины северокавказского региона со сведениями армянской «Ашхарацуйц», который неминуемо ведет к ряду дискуссионных моментов. Ученый гипотетически намечает границы территорий, принадлежавших различным аланским племенным образованиям.

Данная часть работы основана на диссертационном исследовании, которое было опубликовано [7; 8], что может помочь читателю, желающему более глубоко ознакомиться с заинтересовавшими его вопросами. Оно же наглядно продемонстрирует ему, какой многолетний, кропотливый и многоплановый научный труд стоит за предложенным ему научно-популярным изданием. Д.С. Коробов отсылает своего читателя и к еще одной важной своей монографии [6], что мы бы рекомендовали и со своей стороны. Заметим, что предполагаемая идентификация, например, аш-тигоров «Ашхарацуйц», которых исследователи идентифицируют с одним из подразделений алан и с которыми связан этногенез дигорской части осетинского народа [13, р. 1], с носителями катакомбного обряда Кисловодской котловины, вновь демонстрирует линию алано-осетинской преемственности.

Завершается основная часть издания освещением вопроса палеогенетики о носителях аланской культуры Северного Кавказа, который является новым в околонучных кругах и у солидарных с ними интересантах из числа дипломированных представителей гуманитарных дисциплин, вряд ли способных освоить школьный курс биологии. В первую очередь, мы имеем в виду представителей современных северокавказских народов, стремящихся «ниспровергнуть» научно обоснованную алано-осетинскую преемственность. К ним вполне применимо понятие ресентимента, представленное в статье П. Серио в контексте «новой парадигмы» в языкознании [11], которую Д.С. Коробов обоснованно сопрягает с деятельностью «ниспровергателей» установленного наукой ираноязычия алан.

Сами приводимые Д.С. Коробовым материалы вновь демонстрируют образец корректной и вдумчивой работы ученого, обращающегося к данным иной отрасли научных знаний, чем те, которые лежат в области его прямой научной компетенции. Но ее возможность, что крайне важно, обусловлена непосредственным участием автора в работе группы археологов, антропологов и палеогенетиков. Ее результаты докладывались на научных конференциях, включая проходившие на Северном Кавказе и посвященные проблемам этногенеза местных народов, и также публиковались [3]. В целом, по наблюдениям Д.С. Коробова, палеогенетические исследования демонстрируют сложность и многокомпонентность аланского этноса, объективно предупреждая от увлечения сопоставлениями генетических характеристик с этническими группами.

Палеогенетические исследования, при всех сво-

их революционных достижениях, находятся только в начале пути. Они располагают единичными результатами определений палео-ДНК и малым количеством образцов современного населения. Все попытки связать сегодня напрямую носителей тех или иных гаплогрупп с аланами и найти им соответствия среди современных представителей кавказских народов представляются исследователю по меньшей мере наивными. Д.С. Коробов полагает, что построение соответствующих генеалогических линий – дело будущего.

Автор справедливо отмечает многогранность «аланского наследия», отраженного, в том числе, в языке, обычаях, мифах и легендах, материальной культуре народов Центрального Кавказа. Можно бы было только пожелать, чтобы среди представленных в издании граней такого наследия нашла свое отражение и культурная составляющая. Конечно, при таком охвате различных проблем и аспектов аланской истории, обобщении современных научных данных неизбежны некоторые недочеты.

Так, например, отмечается приход в 40-х гг. XIII в. в Венгрию вместе с 40 000 половцев 10 000 алан (с. 32). Данный историографический казус, представленный и в ряде работ других исследователей, порожден и до сих пор представляется [9, с. 17, 18, 20, 46–49] за счет неправильно воспринятой информации о содержании сокращенного перевода на венгерский язык [16, old. 86–87] работы румынского католического пастора И. Ферента [17, р. 79–80]. В результате, вопреки действительному содержанию работы И. Ферента, сводятся в одну линию приводимые им сведения о различных группировках алан, действовавших на разных территориях. Таким образом, создается прямо противоречащая данным письменных источников картина о приходе в Венгрию в 1239 г. вместе с половцами хана Котьяна 10 000 алан-ясов во главе с Качар Огала.

В действительности в труде И. Ферента после рассказа о судьбе кипчаков Бачимана, действовавших в прикаспийском регионе, речь идет о новом вторжении монголов в земли ясов (аланы-асы). Указывается, что сопротивление им оказывал Качар Огала, который, по сведениям Рашид-ад-Дина, был «казнен». Остальные его соплеменники бежали в Молдавию в количестве 10 000. Данное указание делается за счет сведений русской летописи о месте Аский Торг. В 1300 г. под давлением монголов 10 000 ясов ушли во владения Византии, о чем сообщал Никифор Григора.

Мы можем уточнить. В целом, письменные источники сохранили подробную информацию о миграции кунов Котьяна в Венгрию и об их последующей истории, что становилось и предметом скрупулезного исследования различных ученых. Никаких сведений о ясах в составе кунского объединения Котьяна не фиксировалось. Аланы-асы под предводительством Качир-укулэ (Качир-укула, Качир-улэ), о которых кратко повествовал Рашид-ад-Дин, действовали гораздо восточнее Венгрии. Их предводитель там и погиб [23, р. 58–59], поэтому он не мог куда-то вести своих соплеменников. Нет

никаких сведений и о том, что именно аланы-асы погибшего предводителя ушли в Молдавию. Сведения о 10 000 алан приведены за счет труда Никифора Григоры. Но данные аланы известны по событиям гораздо более позднего периода и действовали на территориях, никак не связанных с Венгрией.

Никифор Григора писал об аланах, входивших в состав орды Ногая на территории Молдавии, где они играли выдающуюся роль и, как и представители других народов, перенимали язык и одежду правителей. В 1301/1302 г. более 10 000 из их числа [22, р. 204], а по Георгию Пахимеру, 16 000 [18, р. 307], половина из которых были воинами, освободились из-под власти хана и ушли на территорию Византии, использовавшей их разные группы в военных действиях против своих врагов. История этих групп алан хорошо прослеживается. Часть алан, видимо, оставалась в Молдавии вплоть до XV в. [20, р. 89–90, 135–137, 145–146, 162, 170; 1, с. 284, 288–292, 394–395; 24, р. 26–47].

Еще одним недочетом является обращение к определенным данным Аммиана Марцеллина, трактуемым, как и частью других исследователей, в русле идеи о пестром этническом составе и племенном разнообразии алан, включавших в себя представителей разных народов (с. 140). Но уже, например, первые издатели перевода сочинения на русский язык отмечали, что Аммиан Марцеллин для данного пассажа пользовался не живыми сведениями о современном населении, а предшествующими письменными источниками [2, с. 540; 10, с. 73–75]. Надежно установлено, что перечень якобы «завоеванных» и вошедших в состав алан народов показывает, что Аммиан Марцеллин использовал давние сведения, восходящие еще ко временам Геродота, т. е. за 800 лет до его времени. Таким образом, у него аланы «завоевали» народы, которые столетия назад сошли с исторической арены. Несомненно, информация не имеет никакого отношения к исторической реальности, а демонстрирует чисто книжные знания автора [21, р. 334–336; 14, р. 111; 15, р. 117], который знает современных ему алан на землях, ранее принадлежавших, по известным ему письменным источникам, другим народам. Поэтому он искусственно и «формирует» алан за счет канувших в Лету народов.

Кроме того, у Аммиана Марцеллина аланы представлены единым антропологическим типом, что противоречит их полиэтничности. В такой ситуации единственно возможным поводом к завоєвательной истории алан могла бы относиться, например, хорошо прослеживаемая археологически мощная военная экспансия центральнопредкавказских алан в середине III в. н. э. на север. На Нижнем Дону они активно смешивались с местным позднесарматским населением, что определяет непрерывную генетическую линию развития здесь сарматского археологического комплекса. Здесь представлены как погребения, непосредственно сравнимые с центральнопредкавказскими, так и погребения, сочетающие центральнопредкавказские и местные признаки. Подобное положение отмечают и для памятников междуречья Волга – Дон, Ставрополя и Калмыкии. Родственная группировка расположилась возле Дуная [12, с. 224–225]. Что касается разноплеменности и проживания отдельных групп алан на разных территориях, то существование различных племен, родо-племенных объединений не является чем-то исключительным в истории многих народов и не означает для них обязательного резкого этноязыкового и этнокультурного противопоставления внутри таких объединений и народов или между ними.

Высказанные замечания носят частный характер и нисколько не влияют на высокую оценку издания. Наоборот, они только подтверждают тот факт, что читателю представлена живая картина современного процесса исторического познания, включающая неизбежные дискуссионные моменты. Издание служит и примером наглядного сочетания смело обозначаемых перспектив такого научного познания и осторожной объективной оценки его современного фонда и состояния, что отличает работу настоящего исследователя от известных околонуучных кругов и их сторонников из числа известных национальных научных кадров.

А.А. Туаллагов,
д. и. н., зав. отделом археологии
Северо-Осетинского института
гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева (soigsi@mail.ru).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алемань А.** Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Издательство «Менеджер», 2003. 608 с.
2. **Аммиан Марцеллин.** Римская история. Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – М.: АСТ: Ладомир, 2005. 635 с.
3. **Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С.** Северокавказские аланы по данным палеогенетики // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). Грозный, 2018. С. 180–191.
4. **Герасимова М.М.** Краниологические особенности средневекового населения Куртатинского ущелья: к вопросу об этнической истории осетин // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 409–427.
5. **Ковалевская В.Б.** Теоретический аспект изучения модели порождения культур по данным столетнего исследования савромато-сарматско-аланских памятников от Приуралья до Кавказа // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2016. С. 38–40.
6. **Коробов Д.С.** Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. – СПб.: Алетей, 2003. 380 с.
7. **Коробов Д.С.** Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Том 1. 384 с.
8. **Коробов Д.С.** Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Том 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. 312 с.
9. **Кузнецов В.А.** Ясы и куны в Венерии. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 96 с.
10. **Кулаковский Ю.А.** Избранные труды по истории сарматов и алан. – СПб.: Алетей, 2000. 318 с.

11. Серю П. Языкознание ресентимента в Восточной Европе // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 3 (41). С. 186–199.
12. Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2007. 399 с.
13. Afanas'ev G. E., Korobov D. S. The Ast-Tigors' Granaries and Palaeo-climate of 7–12th centuries AD in the North Caucasus // «My Life is like the Summer Rose», Maurizio Tosi e l'Archeologia come mode di vivere: Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday. Oxford, 2014. P. 1–16.
14. Alemany A. Alans in Khazaria and Khazars in Alania. On the Nature and Role of North Iranian Elements in Khazar Empire // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Paris–Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2017. Vol. XII. № 1, 2. P. 110–120.
15. Burgerdijk D. Creating the enemy: Ammianus Marcellinus' double digression on Huns and Alans (Res Gestae 31.2) // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Oxford, 2016. Vol. 59. Iss. 1. P. 111–132.
16. Ferent Ioan. Cumanii și Episcopia Ior. Blaj: Tipographia Seminarului Teologic Gr.-Catholic, 1931. I+152 p.
17. Ferent Ioan. A kunak és püspökségük. Budapest: Svent István Társulat, 1981. 154 old.
18. Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim. Recognovit Immanuel Bekkerus // Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: impensis Ed. Weberi, MDCCCXXXV. Vol. II. X+905 p.
19. Hosszú G. Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Budapest: Rovas Foundation, 2013. 339 p.
20. Laiou A.E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronic II 1282–1328 // Harvard Historical Studies. Cambridge: Harvard University Press, 1972. Vol. LXXXVIII. XII+388 p.
21. Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd, 1989. XV+608 p.
22. Nicephori Gregorae Byzantina Historia Graece et Latine cum annotationibus Hier. Wolfii, Gar. Ducangii, Io. Boivini et Cl. Capperonnerii. Cura Ludovici Schopeni // Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: impensis Ed. Weberi, MDCCCXI. Vol. I. C+568 p.
23. The Successors of Genghis Khan. Translated from the Persian of Rashīd al-Dīn by John Andrew Boyle // Persian Heritage Series. New York, London: Columbia University Press, 1971. XI+372 p.
24. Treiyer A. R. The Chronology of Events in the History of Pachymeres related to the battle of Bapheus and the beginning of the Ottoman Empire // International Journal of Humanities and Social Science. 2017. Vol. 7. № 8. August. P. 23–48.

BOOK REVIEW: KOROBOV D. S. «ALANS OF THE NORTH CAUCASUS»: ETHNOS, ARCHEOLOGY, PALEOGENETICS. MOSCOW; SAINT PETERSBURG, NESTOR-ISTORIYA, 2019. 156 P., ILL.

A. A. Tuallagov

Dr., Head of the Department of Archeology of the V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (soigsi@mail.ru).

REFERENCES

1. Aleman A. Alans in ancient and medieval written sources. Moscow: Publishing House «Manager», 2003. 608 p.
2. Ammianus Marcellinus. Roman History. Translated from Latin by Yu. A. Kulakovskiy and A. I. Sonny. Moscow: AST: Ladimir, 2005. 635 p.
3. Afanasyev G. E., Korobov D. S. North Caucasian Alans according to paleogenetics // Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the Caucasus. Collection of materials of the I International Nakh Scientific Congress (Grozny. September 11–12, 2018). Grozny, 2018. P. 180–191.
4. Gerasimova M. M. Craniological features of the medieval population of the Kurtatinsky gorge: to the question of the ethnic history of the Ossetians // Archeology of North Ossetia. Vladikavkaz, 2007, p. 2, pp. 409–427.
5. Kovalevskaya V. B. Theoretical aspect of studying the model of generation of cultures based on the data of a century-long research of the Sauromat-Sarmatian-Alanian monuments from the Urals to the Caucasus // Development of views on the interpretation of an archaeological source. Materials of the all-Russian Scientific Conference. Moscow, 2016, pp. 38–40.
6. Korobov D.S. Social organization of the Alans of the North Caucasus IV – IX centuries. SPb.: Aleteya, 2003. 380 p.
7. Korobov D. S. The system of settlement of the Alans of the Central Ciscaucasus in the 1st millennium A. D. (landscape archeology of the Kislovodsk basin). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-History, 2017, vol. 1. 384 p.
8. Korobov D. S. The system of settlement of the Alans of the Central Ciscaucasus in the 1st millennium A. D. (landscape archeology of the Kislovodsk basin). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-History, 2017, vol. 2. Catalog of settlements of the Kislovodsk basin. 312 p.
9. Kuznetsov V. A. Jases and Kuns in Hungary. Vladikavkaz, Project-Press, 2015. 96 p.
10. Kulakovskiy, Y. A. Selected works on the history of the Sarmatians and Alans. Saint Petersburg, Aleteya, 2000. 318 p.
11. Seriot P. Linguistics of resentment in Eastern Europe // Political linguistics. Ekaterinburg, 2012, iss. 3 (41), pp. 186–199.
12. Tuallagov A. A. The North Caucasus: from the Scythians to the early Alans (historical and archaeological essays). Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 399 p.
13. Afanas'ev G. E., Korobov D. S. The Ast-Tigors' Granaries and Palaeo-climate of 7–12th centuries AD in the North Caucasus // «My Life is like the Summer Rose», Maurizio Tosi e l'Archeologia come mode di vivere: Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday. Oxford, 2014. P. 1–16.
14. Alemany A. Alans in Khazaria and Khazars in Alania. On the Nature and Role of North Iranian Elements in Khazar Empire // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Paris–Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2017. Vol. XII. № 1, 2. P. 110–120.
15. Burgerdijk D. Creating the enemy: Ammianus Marcellinus' double digression on Huns and Alans (Res Gestae 31.2) // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Oxford, 2016. Vol. 59. Iss. 1. P. 111–132.
16. Ferent Ioan. Cumanii și Episcopia Ior. Blaj: Tipographia Seminarului Teologic Gr.-Catholic, 1931. I+152 p.
17. Ferent Ioan. A kunak és püspökségük. Budapest: Svent István Társulat, 1981. 154 old.
18. Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim. Recognovit Immanuel Bekkerus // Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: impensis Ed. Weberi, MDCCCXXXV. Vol. II. X+905 p.
19. Hosszú G. Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Budapest: Rovas Foundation, 2013. 339 p.
20. Laiou A. E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronic II 1282–1328 // Harvard Historical Studies. Cambridge: Harvard University Press, 1972. Vol. LXXXVIII. XII+388 p.
21. Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd, 1989. XV+608 p.
22. Nicephori Gregorae Byzantina Historia Graece et Latine cum annotationibus Hier. Wolfii, Gar. Ducangii, Io. Boivini et Cl. Capperonnerii. Cura Ludovici Schopeni // Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: impensis Ed. Weberi, MDCCCXI. Vol. I. C+568 p.
23. The Successors of Genghis Khan. Translated from the Persian of Rashīd al-Dīn by John Andrew Boyle // Persian Heritage Series. New York, London: Columbia University Press, 1971. XI+372 p.
24. Treiyer A. R. The Chronology of Events in the History of Pachymeres related to the battle of Bapheus and the beginning of the Ottoman Empire // International Journal of Humanities and Social Science. 2017. Vol. 7. № 8. August. P. 23–48.